

Русских Михаил Сергеевич

аспирант, ассистент кафедры политологии
Российского государственного педагогического
университета им. А.И. Герцена

**ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ПОЛИТИЗАЦИИ
ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОСТИ**

Аннотация:

В статье рассматриваются экологические аспекты использования этничности в политических целях. Автор выделяет объективный и субъективный аспекты существования и воспроизводства условно называемой этнической тематики. Отдельное внимание уделено функционированию массмедиа и потенциальной ретннизации социально-политических отношений.

Ключевые слова:

этнополитические исследования, этническая идентичность, политизация, экологический подход, политическое представление, массмедиа, П. Бурдьё, сложные методологии.

Russkikh Mikhail Sergeyeovich

PhD student, Assistant,
Political Science Department,
Herzen State Pedagogical University of Russia

**ECOLOGICAL ASPECTS OF
ETHNIC IDENTITY POLITICIZATION
IN THE CONDITIONS OF
MODERNITY**

Summary:

The article examines the ecological aspects of ethnicity usage in political purposes. The author singles out objective and subjective aspects of so-called ethnic subjects' existence and reproduction. Special attention is given to the functioning of mass media and prospective re-ethnicization of socio-political relations.

Keywords:

ethno-political studies, ethnic identity, politicization, ecological approach, political representation, mass media, P. Bourdieu, complex methodologies

Данная статья является уточнением и дополнением к опубликованной ранее [1], в которой этничность рассматривалась в качестве *группообразующей* идентичности. Пространственный характер мышления, присущий этничности, намеренно выводился в ней за скобки.

Определение социальных идентичностей как пространствообразующих связано с пониманием экологического характера человеческой деятельности, в частности с одноименным подходом в психологии [2], акцентировавшим внимание на понятии «места» в повседневном существовании человека. Если исходить из того, что он фундаментально характеризуется через деятельностное отношение к миру, а действие (в человеческом измерении) есть «предусмотрительное, планирующее изменение действительности» [3, с. 160], то человек не смог бы состояться как субъект без присвоения пространства-среды в качестве «места» вынужденного ведения деятельности.

Поскольку направления субъективации человека неразрывно связаны с возникновением общностей, в которых «я»-субъект затеняется претендующим на субъектность коллективным «мы», следует обратиться к специфике образующегося из этого пространственного мышления, в частности к проблематике мышления в этнических группах.

Рассматривая ранее группообразующие аспекты этничности, мы отмечали *квазиобъективный* характер существования этноса: последний полагается реальным в том случае, если имеет место устойчивое социальное воспроизводство характеризующих его признаков. Вопрос о том, «где» находится данное место, требует разъяснения. В примордиалистском подходе к этносу его топология определяется географически: место есть *территория*, на которой в прошлом произошли обособление конкретной человеческой популяции и возникновение на ее основе этнической группы; в конструктивистской концепции пространственное измерение, напротив, крайне расплывчато и связано только с границами действенности понимания этносов-*конструктов* как *реально* существующих. Оба упомянутых варианта по-своему несовершенны.

Обращаясь здесь вновь к концепции П. Бурдьё, следует указать на двойственный характер пространственного существования этноса: последний обладает и объективным, и субъективным измерениями. К первому следует отнести наблюдаемые в физическом мире признаки его социального («этнического») присвоения, среди характерных примеров которых особо выделим этнотопонимы. Последние при участии государства могут преобразовываться в официальные [4, с. 49] названия географических объектов (регионов, населенных пунктов, ориентиров и иных точек на местности), объективируемые и воспроизводимые в документах и на топографических картах, становиться предметом научно-исследовательской деятельности, публикаций и т. д., сохраняя посредством этого собственные тематическое значение и актуальность. Вместе с тем ни официаль-

ный, ни научный дискурсы не нацелены на формирование политических смыслов этничности (исключение составляет деятельность так называемых этнических антрепренеров от культуры, науки или бизнеса, намеренно конвертирующих накопленный символический капитал в политический).

Субъективное измерение этничности представляется более трудным для понимания и связано с коммуникативным воспроизводством этнической тематики и ее проблематизацией на определенном пространстве. В этом контексте особое внимание следует уделить массмедиа, обладающим наибольшим потенциалом для обеспечения темами и поводами к коммуникации. Массмедиа, сводя события, коммуникации и действия социальных агентов в единый реальный контур, оперируют ими на уровне общества в целом, путем отбора, обработки и повторного ввода тем одновременно удостоверяя его (общества) целостность и стабильность и показывая его частные, дискретные состояния.

Однако односторонний характер сообщений (статей, передач и т. д.) массмедиа и неразличение в них нарратива и события, шума и информации дают основание предполагать их спекулятивный характер. Массмедиа используют, назовем их так, *преломленные* и *рефокусированные* события с определенным ракурсом раскрытия и сопровождающим нарративом (наиболее отчетливый пример – спортивные мероприятия, трансляции которых сегодня трудно представить без комментатора, повторов, показа с разных камер, то есть всего того, чего практически лишен обладающий ограниченным полем зрения болельщик, непосредственно находящийся на стадионе). Тем не менее в силу отсутствия полноценного функционального аналога эти спекуляции способны синхронизировать социальные отношения, затрагивая ретенции и протенции в динамическом видении мира и обеспечивая таким образом его смысловое единство.

Показательным примером использования массмедиа для реэтнизации общественных отношений выступает информационная политика в позднем СССР. Смена руководителей редакций ведущих печатных изданий в 1986 г. вместе с объявленной политикой гласности создавала основания для «прямой ревизии политики исторической памяти» [5, с. 118], что вместе с расширением каналов коммуникации и исчезновением политического контроля в конечном счете привело к пересмотру официального советского исторического дискурса о событиях 1939–1940 гг. (в особенности относительно пакта Молотова – Риббентропа), Второй мировой войны и последующих лет в прибалтийских республиках СССР [6, с. 119–124] и способствовало выходу Эстонской, Латвийской и Литовской ССР из его состава. Последний сопровождался новой языковой политикой, установлением собственных этноцентрических историко-культурных нарративов, «возвращением» досоветских символов и топонимов, «обретением» национального календаря и др. Все указанные аспекты преодоления еще совсем недавно общего прошлого при соответствующем освещении в советских массмедиа (вплоть до позиционирования сопутствовавших русофобских настроений как адекватной реакции на историческое нарушение «законных прав коренных народов» (!) указанных республик [7, с. 33]) с признанием независимости стран Балтии были полноценно институционализированы и получили статус *официальных*.

Особый вес любой альтернативной информации из средств массмедиа в перестроечное и постперестроечное время вполне понятен, если учесть десятилетия твердой информационной политики в СССР. Однако, как сказано ранее, к одной из главных и непосредственных функций массмедиа относится обеспечение временного единства общества, не обязательно связанное с использованием полноценно *достоверной* информации (массмедиа не оперируют понятием «истины»: подвергаемые фальсифицируемости умозрительные и духовные истины производятся в полях науки, философии и религии соответственно). Таким образом, в поздне- и постсоветский периоды массмедиа активно применялись для распространения политизирующих этничность и находящихся на стыке с этим нарративов независимо от того, насколько они были достоверными.

Например, благодаря популярному союзному журналу «Огонек» в качестве мест сталинских преступлений стали известны Куропаты в Белорусской ССР (статья А. Адамовича по сути была публицистической обработкой публиковавшихся до того в белорусской печати материалов [8, с. 29]) и Хайбах в Чечено-Ингушской АССР. Оба этнопонима вскоре стали использоваться как точки/узлы нарративной сборки новых политических дискурсов. Однако если в Куропатах действительно были найдены массовые захоронения (точное число убитых до сих пор остается неизвестным), то в связанной с депортацией чеченского и ингушского народов истории Хайбаха, возникшей во многом из публикации в октябре 1990 г. письма заместителя редактора грозненской газеты «Комсомольское племя» С.-Э. Бицоева о массовом убийстве по этническому признаку, и по наше время остается много невыясненных обстоятельств. Тем не менее «возвращенная» во времена гласности тема Хайбаха осталась устойчиво воспроизводимой, в том числе в современной научной среде северокавказских республик [9, с. 13].

Вместе с тем перспектива несогласия с сообщениями массмедиа значительно ограничена. Во-первых, несогласие требует оснований, то есть достоверного знания «места» в физическом

либо социальном пространстве, которое бы позволило указать на ошибочность слов спортивного комментатора, ведущего прогноза погоды или политика. По этой причине «показаниям очевидцев» и «сведениям компетентных источников» фактически нечего противопоставить: их нельзя отчетливо локализовать, следовательно, нет и «места», с которого открылась бы перспектива для несогласия. Во-вторых, проблематичность несогласия связана с недостаточным символическим весом отдельных контраргументов.

Например, в статье Н. Чугуновой из декабрьского номера «Огонька» 1990 г. один из лидеров «Народного фронта Молдовы» О. Нантой отчетливо выступает как этнический антрепренер: предельно огрубляя и искажая исторические аспекты развития молдавского языка в советский период, он подводит их к современной ему политической ситуации [10, с. 12]. Однако, во-первых, аргументированно доказать неправоту слов О. Нантоя и тогда, и сейчас способен только специалист по романским языкам; во-вторых, на волне национализма в периферийных республиках СССР конца 1980-х гг. «тонкие» аспекты историко-культурных вопросов были непопулярны и потому малозаметны.

Ситуация с субъективным измерением этничности, таким образом, остается трудной. Любое коммуникативное поле, сохраняющее этническое измерение, способно превратить этнос в утилитарно понимаемое средство политической борьбы на определенном этапе. В этом смысле последовательное обеспечение государственного интереса в отношении этносов, этничности и этнической проблематики является первостепенной задачей.

Ссылки:

1. Русских М.С. Общетеоретические аспекты политизации этнической идентичности (на основе концепции П. Бурдьё) // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 4. С. 48–51.
2. Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М., 1988.
3. Гелен А. О систематике антропологии // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 152–201.
4. См.: Русских М.С. Указ. соч. С. 49.
5. Никифоров И.В. Политика исторической памяти в странах Балтии. Опыт и современное состояние // Этническая политика в странах Балтии. М., 2013. С. 92–154.
6. Там же. С. 119–124.
7. Головкин А. Нить надежды // Огонек. 1989. № 36. С. 32–33.
8. Адамович А. Оглянись окрест! // Там же. 1988. № 39. С. 28–30.
9. См.: Харсиев Б.М.-Г. Предпосылки и последствия Второго съезда ингушского народа // Роль и значение Второго съезда ингушского народа в возрождении государственности Ингушетии : материалы Республиканской научной конференции, посвященной 25-летию Второго съезда ингушского народа. Назрань, 2015. С. 4–23.
10. Чугунова Н. ...Судить воспаленную кровь // Огонек. 1990. № 52. С. 10–13.

References:

- Adamovich, A 1988, 'Look around the neighborhood!', *Ogonek*, no. 39, pp. 28-30, (in Russian).
- Chugunova, N 1990, '...to judge inflamed blood', *Ogonek*, no. 52, pp. 10-13, (in Russian).
- Gehlen, A 1988, 'On the taxonomy of Anthropology', *The problem of man in Western philosophy*, Moscow, pp. 152-201, (in Russian).
- Gibson, J 1988, *The ecological approach to visual perception*, Moscow, (in Russian).
- Golovkov, A 1989, 'A thread of hope', *Ogonek*, no. 36, pp. 32-33, (in Russian).
- Kharsiev, BM-G 2015, 'Background and consequences of the Second Congress of the Ingush people', *Materialy Respublikanskoj nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 25-letiyu Vtorogo s"yezda ingushskogo naroda: «Rol' i znacheniye Vtorogo s"yezda ingushskogo naroda v vrozozhdenii gosudarstvennosti Ingushetii»*, Nazran, pp. 4-23, (in Russian).
- Nikiforov, IV 2013, 'Historical Memory policy in the Baltic countries. The experience and the current state', *Ethnic Policy in the Baltic States*, Moscow, pp. 92-154, (in Russian).
- Russkikh, MS 2016, 'General theoretical aspects of ethnic identity politicization (on the basis of P. Bourdieu's conception)', *Obshchestvo: politika, ekonomika, parvo*, no. 4, pp. 48-51, (in Russian).